

Ш.М. Жандосова

Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки
и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
e-mail: sholpan_zhandosova@mail.ru

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: БАЛАНС МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ И СВОБОДОЙ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

В данной статье исследуется процесс секьюритизации религии в странах Центральной Азии, фокусируясь на поиске оптимального баланса между обеспечением национальной безопасности и сохранением конституционного права на свободу вероисповедания. Анализ основывается на изучении законодательной базы, статистических данных и экспертных оценок, что позволяет всесторонне рассмотреть трансформацию государственной политики в религиозной сфере. Исследование концентрируется на механизмах контроля религиозной деятельности и их влиянии на общество. Особое внимание уделяется потенциальным рискам радикализации верующих, которые могут возникнуть в результате чрезмерного государственного регулирования. Методология работы включает сравнительный анализ, контент-анализ нормативных документов и медиа-материалов, а также статистический анализ демографических данных. Результаты исследования демонстрируют двойственность последствий секьюритизации религии в регионе. С одной стороны, этот процесс способствует снижению рисков религиозного экстремизма, что является позитивным фактором для обеспечения национальной безопасности. С другой стороны, жесткие меры контроля могут провоцировать рост социальной напряженности и радикализацию отдельных групп верующих, что создает новые вызовы для государственной политики. На основе полученных данных в статье предлагаются рекомендации по совершенствованию государственной политики в религиозной сфере. Эти рекомендации учитывают необходимость соблюдения тонкого баланса между обеспечением безопасности и защитой свободы совести. Предлагаемые меры направлены на создание более гибкой и инклюзивной системы регулирования религиозной деятельности, которая могла бы эффективно противодействовать экстремизму, не ущемляя при этом права законопослушных верующих. В заключение подчеркивается важность дальнейших исследований в данной области для разработки эффективных стратегий управления религиозной сферой в условиях меняющейся геополитической и социальной реальности Центральной Азии.

Ключевые слова: секьюритизация религии, Центральная Азия, национальная безопасность, свобода вероисповедания, религиозная политика, радикализация, государственное регулирование.

Sh. Zhandosova

Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Science Committee
of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
e-mail: sholpan_zhandosova@mail.ru

Securitization of religion in Central Asia: balance between national security and religious freedom

This article examines the process of securitization of religion in the countries of Central Asia, focusing on finding the optimal balance between ensuring national security and preserving the constitutional right to freedom of religion. The analysis is based on the study of the legislative framework, statistical data and expert assessments, which allows for a comprehensive consideration of the transformation of state policy in the religious sphere. The study focuses on the mechanisms of control over religious activity and their impact on society. Particular attention is paid to the potential risks of radicalization of believers that may arise because of excessive government regulation. The methodology of the work includes comparative analysis, content analysis of regulatory documents and media materials, as well as statistical analysis of demographic data. The results of the study demonstrate the duality of the consequences of the securitization of religion in the region. On the one hand, this process helps to reduce the risks of religious extremism, which is a positive factor in ensuring national security. On the other hand, strict control measures can provoke an increase in social tension and radicalization of certain groups of

believers, which creates new challenges for public policy. Based on the findings, the article offers recommendations for improving state policy in the religious sphere. These recommendations consider the need to maintain a delicate balance between ensuring security and protecting freedom of conscience. The proposed measures are aimed at creating a more flexible and inclusive system of regulating religious activity that could effectively counter extremism without infringing on the rights of law-abiding believers. In conclusion, the importance of further research in this area is emphasized for developing effective strategies for managing the religious sphere in the changing geopolitical and social reality of Central Asia.

Key words: securitization of religion, Central Asia, national security, freedom of religion, religious policy, radicalization, state regulation.

Ш.М. Жандосова

Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің Философия, саясаттану және дінтану институты, Алматы, Қазақстан
e-mail: sholpan_zhandosova@mail.ru

Орталық Азиядағы дінді секьюритизациялау: ұлттық қауіпсіздік пен дін бостандығы арасындағы тепе-теңдік

Бұл мақалада ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету мен діни сенім бостандығына конституциялық құқықты сақтау арасындағы оңтайлы тепе-теңдікті табуға назар аудара отырып, Орталық Азия елдеріндегі дінді секьюритизациялау үдерісі қарастырылады. Талдау заңнамалық базаны, статистикалық мәліметтерді және сараптамалық бағалауды зерделеуге негізделген, бұл діни саладағы мемлекеттік саясаттың трансформациясын жан-жақты сараптауға мүмкіндік береді. Зерттеу жұмысында діни әрекеттерді бақылау тетіктері мен олардың қоғамға тигізетін әсеріне баса назар аударылады. Шамадан тыс мемлекеттік реттеу нәтижесінде туындауы мүмкін діндарлардың радикалдануының ықтимал тәуекелдеріне ерекше назар аударылады. Жұмыс әдістемесі салыстырмалы талдауды, нормативтік құжаттар мен БАҚ материалдарының мазмұнын талдауды, сондай-ақ демографиялық деректерді, статистикалық талдауды қамтиды. Зерттеу нәтижелері аймақтағы дінді секьюритизациялау салдарының екіжақтылығын көрсетеді. Бір жағынан, бұл процесс ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз етудің оң факторы болып табылатын діни экстремизм қаупін азайтуға ықпал етеді. Екінші жағынан, қатаң бақылау шаралары әлеуметтік шиеленістің күшеюіне және дінге сенушілердің жекелеген топтарының радикалдануына түрткі болуы мүмкін, бұл мемлекеттік саясатқа жаңа міндеттер туғызады. Алынған деректер негізінде мақалада діни саладағы мемлекеттік саясатты жетілдіру бойынша ұсыныстар берілген. Бұл ұсыныстар қауіпсіздікті қамтамасыз ету мен ар-ождан бостандығын қорғау арасындағы нәзік тепе-теңдікті ескереді. Ұсынылған шаралар заңға бағынатын діндарлардың құқықтарына нұқсан келтірмей, экстремизмге тиімді қарсы тұра алатын діни қызметті реттеудің икемді және инклюзивті жүйесін құруға бағытталған. Қорытындылай келе, Орталық Азияның өзгермелі геосаяси және әлеуметтік шындығы жағдайында діни саланы басқарудың тиімді стратегияларын әзірлеу үшін осы саладағы одан әрі зерттеулердің маңыздылығы атап өтілді.

Түйін сөздер: дінді секьюритизациялау, Орталық Азия, Ұлттық қауіпсіздік, діни сенім бостандығы, діни саясат, радикалдандыру, мемлекеттік реттеу.

Введение

Процесс секьюритизации религии в странах Центральной Азии является одним из ключевых аспектов государственной политики в регионе на протяжении последних трех десятилетий. После распада Советского Союза и обретения независимости государствами Центральной Азии, данный регион столкнулся с необходимостью формирования новых подходов к регулированию религиозной сферы (Olcott, 2016). Первоначально был принят либеральный подход с минимальным вмешательством государства в религиозную жизнь общества, однако к началу 2000-х годов наблюдался переход к более жесткому регулированию. Это было обусловлено

рядом факторов, включая рост религиозного экстремизма и террористическую угрозу в регионе (Heathershaw et al., 2014). Государства Центральной Азии предприняли меры по усилению контроля над религиозной сферой, стремясь противостоять распространению радикальных движений и обеспечить стабильность в обществе. Данный переход к более строгому регулированию религиозной жизни отражает стремление государств адаптировать свою политику к новым вызовам и угрозам.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью критического осмысления существующих практик секьюритизации религии в контексте их эффективности и потенциальных рисков для общества и государства. Несмотря

на значительное количество работ, посвященных религиозной политике в Центральной Азии (Omelicheva, 2011), вопрос о балансе между обеспечением национальной безопасности и сохранением религиозных свобод остается недостаточно изученным.

В рамках данного исследования исходим из гипотезы о том, что чрезмерная секьюритизация религиозной сферы может иметь контрпродуктивный эффект, способствуя радикализации отдельных групп верующих и росту социальной напряженности. При этом недостаточное внимание к вопросам безопасности в религиозной сфере также создает риски для стабильности государства и общества.

Целью статьи является анализ процесса секьюритизации религии в странах Центральной Азии и его влияния на баланс между национальной безопасностью и свободой вероисповедания.

Материалы и методы

Методологическая база исследования включает в себя комплекс взаимодополняющих методов. Основным теоретическим подходом является теория секьюритизации, разработанная Копенгагенской школой международных отношений (Buzan et al., 1998). В работе также применяются методы сравнительного анализа для изучения различий в подходах к регулированию религиозной сферы в разных странах региона, контент-анализ нормативных документов и медиа-материалов, статистический анализ демографических данных.

Центральное место в методологии исследования занимает анализ нормативно-правовой базы. Данный метод предполагал тщательное изучение законодательных и нормативных актов различного уровня, регулирующих религиозную сферу в Республике Казахстан. В первую очередь был проведен анализ Конституции Республики Казахстан (1995 год), как основополагающего документа, определяющего принципы взаимоотношений государства и религиозных объединений. Особое внимание было уделено статьям, закрепляющим свободу вероисповедания и определяющим светский характер государства.

Закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (2011 год) был изучен с точки зрения его роли в регулировании религиозной сферы, определении правового статуса религиозных объединений и установлении границ их деятельности.

Анализ данного закона позволил выявить основные механизмы государственного контроля и регулирования религиозной деятельности в стране.

На уровне подзаконных актов особое внимание было уделено Постановлению Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Комплексного плана по реализации государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2021-2023 годы» (2020 год). Анализ данного документа позволил выявить конкретные механизмы и инструменты реализации государственной политики в религиозной сфере, а также определить приоритетные направления деятельности государственных органов в данной области.

Статистический анализ как метод сбора данных играл важную роль в исследовании. В его рамках были изучены результаты национальных переписей населения Республики Казахстан 2009 (2011) и 2021 (2022) годов. Сравнительный анализ данных двух переписей позволил выявить динамику изменений в религиозном составе населения страны за прошедший период. Особое внимание было уделено изменениям в численности последователей различных религиозных конфессий, появлению новых религиозных групп и тенденциям в религиозной самоидентификации граждан.

Отдельное внимание было уделено анализу официальной статистики религиозных объединений. В частности, был изучен Перечень зарегистрированных религиозных объединений и их филиалов по состоянию на 4 квартал 2023 года (2024), предоставленный Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Анализ этих данных позволил оценить текущее состояние религиозного разнообразия

Обзор литературы

В современном научном дискурсе вопрос религиозной политики становится особенно актуальным на фоне изменений мирового порядка, особенно в контексте Центральной Азии и, в первую очередь, Казахстана. Исследователи из этих регионов акцентируют внимание на влиянии религиозной политики на общее развитие страны, в то время как ученые из других стран, таких как США, Китай и Турция, концентрируются на внутреннем состоянии религиозной сферы и факторах, формирующих религиозную политику. Это обстоятельство подчеркива-

ет важность сравнительного анализа, который может выявить как уникальные аспекты, так и общие тенденции в области религии и государственной политики.

Большинство исследователей согласны с тем, что разнообразие религиозных течений внутри государства может приводить к конфликтам на основе нетерпимости и религиозного неравенства. Например, Y. Cai и S. Hung (2024) подчеркивают, что моноэтнические государства с ограниченным количеством религий имеют больше шансов избежать конфликтов, чем многонациональные страны с разнообразными религиозными практиками.

Исследования, такие как работа S. Peygouse (2021), подчеркивают важность исторических контекстов, в которых религиозные практики и верования подвергались жесткому контролю в течение советского периода. Peygouse указывает, что подавление духовных практик стало одной из причин возрождения религиозных настроений в казахском обществе в конце 1990-х годов. Однако он не рассматривает социально-экономические факторы и политическую ситуацию как основные движущие силы, что может быть пробелом в его анализе.

Сходные выводы делает и S. Eraliev (2022), который акцентирует внимание на влиянии экстремистских группировок на государственные структуры. Он указывает на то, что насилие, применяемое радикально настроенными последователями ислама, рассматривается как механизм давления на государство. Eraliev также подчеркивает историческую предрасположенность мусульманских верований в Центральной Азии к радикализации, что может быть связано с особенностями их формирования в данном географическом регионе. Однако его работа не в полной мере охватывает влияние современных геополитических изменений и их взаимодействие с религиозными процессами.

Важным аспектом является и политика казахстанского руководства, рассматривающего страну как мост между Западом и мусульманским миром. Как отмечает B. Malik (2023), стратегия мягкого авторитаризма Казахстана, направленная на создание гибкой религиозной политики, служит инструментом контроля и поощрения духовного развития. Malik поднимает вопрос о возможной необходимости выбора между либеральными и жесткими подходами в религиозной политике, что открывает новые горизонты для дальнейших исследований.

Исследования, проведенные P. Jones и A. Menon (2022), подчеркивают значимость взаимного диалога между религиозными и государственными лидерами как средства повышения поддержки власти среди населения. Авторы указывают на то, что при отсутствии явных противоречий между ключевыми участниками конфессионального диалога политико-правовые механизмы управления религиозным развитием могут оказаться не столь необходимыми. Это утверждение открывает дискуссию о роли религиозного лидерства в укреплении легитимности политической власти, однако остается открытым вопрос о том, как именно данные механизмы могут быть интегрированы в системы управления в условиях конфессионального многообразия.

A. Terzyan (2021), делает вывод о том, что страны Центральной Азии, такие как Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан, как примеры недостаточно развитых стратегий в области религиозной политики. Несмотря на наличие положительных реформ, направленных на систематизацию религиозной сферы, остается критическим состояние некоторых конфессий, что указывает на необходимость глубокой разработки законодательной базы.

Ученые, такие как F. Caicedo, T. Dohmen и A. Pondorfer (2023), подчеркивали, что активный диалог с молодым поколением является наиболее эффективным методом для достижения гармоничного взаимодействия между государством и населением. В рамках исследования поднимались важные рекомендации, касающиеся усиления просветительской и образовательной работы среди молодежи и подростков с целью минимизации роста радикальных настроений и снижения влияния экстремистских групп, действующих на территории Казахстана. Они акцентировали внимание на значении научно-социального влияния как средства формирования устойчивых ценностей у молодежи.

Научный вклад этих работ заключается в выявлении взаимосвязи между политическими и религиозными структурами власти и их влиянием на общественное восприятие. Однако существует пробел в исследовании, касающийся практической реализации предложений по реформированию законодательства. Необходимо более детальное изучение механизмов, которые могли бы способствовать уравниванию прав различных религиозных групп, а также анализ последствий таких изменений для общественного порядка и социальной стабильности. Важно рас-

смотреть, как возможные реформы могут отразиться на динамике религиозных отношений и уровне радикализации в обществе. Таким образом, дальнейшие исследования в этой области могут не только дополнить существующие теоретические рамки, но и предложить практические решения для преодоления выявленных проблем.

Результаты и обсуждение

Религиозная ситуация в мире в начале XXI века

Во время различных периодов развития человечества религия играла важнейшую роль в политической, экономической, социальной и культурной жизни народов мира. В разные времена, руководствуясь призывами религиозного характера, начинались войны, проводились освободительные походы, велись

просветительские учения и т.д. (например, Реконкиста (790-1309 годы), крестовые походы (1096-1272 годы) (Serdar et al., 2023).], война между католиками и протестантами во Франции (1562-1598 годы) и т.д. (Mercier et al., 2023). Сегодня религия формирует современный ландшафт для развития как государства, так и общества (Johnson et al., 2023), создавая почву для сосуществования – как с позитивными результатами для участников кооперации, так и с негативными.

В мире насчитывается свыше 4 000 всевозможных верований, сект, религиозных практик, (Modongal, 2023) (Таблица 1). Руководствуясь правилами и принципами, обозначенными в виде религиозных догм, в мире формируются новые ценности, создаются новые виды сотрудничества, а также развиваются гражданские и другие права, укрепляются движения за мир, стабильность, равенство и прочее.

Таблица 1 – Соотношение религиозных верований в регионах планеты за 2020 год и прогноз на 2030 год (тысяч человек)

Весь мир, 7 657 330,0 (8 322 920,0 *)							
Христианство	Ислам	Атеизм, агностицизм	Индуизм	Буддизм	Народные религии **	Другие религии	Иудаизм
2 382 750,0 (2 578 790,0)	1 907 110,0 (2 209 270,0)	1 193 750,0 (1 233 020,0)	1 161 440,0 (1 267 290,0)	506 990,0 (511 300,0)	429 640,0 (445 490,0)	60 990,0 (62 490,0)	14 660,0 (15 260,0)
Северная Америка, 371 700,0 (396 760,0)							
277 270,0 (283 250,0)	4 890,0 (6 590,0)	71 270,0 (85 510,0)	3 120,0 (4 050,0)	4 540,0 (5 190,0)	1 300,0 (1 690,0)	3 200,0 (4 330,0)	6 120,0 (6 140,0)
Латинская Америка, 653 390,0 (702 340,0)							
585 850,0 (627 490,0)	890,0 (930,0)	52 430,0 (58 320,0)	690,0 (690,0)	440,0 (460,0)	11 540,0 (12 830,0)	1 070,0 (1 130,0)	480,0 (480,0)
Европа, 740 600,0 (729 770,0)							
534 970,0 (510 110,0)	50 470,0 (57 180,0)	148 410,0 (154 910,0)	1 710,0 (2 030,0)	1 670,0 (1 970,0)	1 050,0 (1 230,0)	970,0 (1 030,0)	1 370,0 (1 320,0)
Азиатско-Тихоокеанский, 4 433 390,0 (4 711 830,0)							
319 830,0 (346 840,0)	1 139 990,0 (1 273 030,0)	887 840,0 (894 150,0)	1 151 920,0 (1 255 880,0)	499 410,0 (502 550,0)	380 970,0 (386 140,0)	53 220,0 (53 020,0)	210,0 (230,0)
Ближний Восток и Северная Африка, 409 310,0 (474 880,0)							
14 600,0 (16 160,0)	381 140,0 (443 140,0)	2 480,0 (2 800,0)	2 350,0 (2 900,0)	760,0 (950,0)	1 350,0 (1 650,0)	250,0 (260,0)	6 380,0 (7 010,0)
Субсахарская Африка, 1 048 930,0 (1 307 320,0)							
650 240,0 (794 950,0)	329 740,0 (428 400,0)	31 330,0 (37 320,0)	1 650,0 (1 730,0)	170,0 (190,0)	33 440,0 (41 940,0)	2 280,0 (2 720,0)	90,0 (80,0)

Источник: составлено автором.

Примечание:

* – тут и далее: прогноз на 2030 год

** – традиционные религии с видоизменёнными формами в зависимости от региона использования

Вместе с тем, наличие широкого спектра различных верований, которые имеют неоднородный характер влияния в разных странах и регионах, создает повышенный риск возникновения конфликтов на этой почве. Так, согласно ряду результатов исследований некоторых специалистов (в первую очередь, социологов, религиоведов, демографов) (Amit et al., 2022), за последние годы число преступлений (террористических актов, незаконных действий на почве этнических противоречий и т.д.) по причине нетерпимости, составило свыше 15 000 официально зарегистрированных случаев. Зачастую данные события происходят в местах, где уровень государственного контроля за направлением является низким или недостаточным для того, чтобы мониторить ситуацию и вовремя адекватно реагировать на угрозы (Crockett, 2021). Поэтому совершенствование политико-правовой сферы в контексте регуляции отношений в секторе религиозных взаимоотношений является ключевым для безопасного и гармоничного сосущество-

вания представителей всех верований в рамках одного государства или региона.

С распадом Советского Союза и крахом советской идеологии и соответствующих догм и принципов в новых молодых республиках возникла острая необходимость создания и развития своих – национальных – особенностей, в том числе, и в сфере религиозного развития. В начале 90-х годов XX столетия жители стран Центральной Азии оказались перед лицом серьезных угроз и вызовов, несущих в себе опасности для множества сфер, например, в контексте национальной безопасности. С целью поиска ориентиров, в первую очередь, духовных и психологических, население региона начало искать ответы в религии.

Благодаря тому, что центральноазиатский регион является достаточно густонаселенным и имеет тенденцию к стабильному росту количества жителей (Eom et al., 2021). (Таблица 2), это обстоятельство стало подспорьем для быстрого распространения среди них разнообразных новых верований и современных западных течений.

Таблица 2 – Динамика численности населения государств Центральной Азии в 2010 году, в 2015 году, в 2020 году и в 2023 году (человек)

Регион/страна	2023 год	2020 год	2015 год	2010 год
Центральная Азия	78 165 567 (1,51 % *)	74 724 418 (1,61 %)	68 990 800 (1,64 %)	63 615 587 (1,44 %)
Узбекистан	35 163 944 (1,62 %)	33 526 656 (1,67 %)	30 949 417 (1,58 %)	28 614 227 (1,49 %)
Казахстан	19 606 633 (1,13 %)	18 979 243 (1,2 %)	17 835 909 (1,41 %)	16 627 837 (1,21 %)
Таджикистан	10 143 543 (2,13 %)	9 543 207 (2,21 %)	8 524 063 (2,26 %)	7 621 779 (1,92 %)
Кыргызстан	6 735 347 (1,59 %)	6 424 874 (1,6 %)	5 914 980 (1,52 %)	5 483 774 (1,09 %)
Туркменистан	6 516 100 (1,44 %)	6 250 438 (1,49 %)	5 766 431 (1,82 %)	5 267 970 (1,52 %)

Источник: составлено автором.

Примечание:

* – рост в сравнении с предыдущим годом

Благодаря стремительному росту самосознания и потребностью поиска своего места в новых геополитических условиях, граждане Казахстана, Узбекистана и других стран региона массово обращаются к религии – как традиционной, так и к новой, непривычной для азиатского мира.

Политика регулирования религии в странах Центральной Азии после распада СССР

Центральная Азия представляет собой регион с богатым культурным и религиозным наследием, где ислам играет ключевую роль в жизни общества. Однако после распада Советского Союза в 1991 году страны региона столкнулись

с вызовами, связанными с необходимостью балансировать между религиозной свободой и политической стабильностью. Политико-правовые механизмы, направленные на контроль над развитием религии, стали важным инструментом для правительств в странах Центральной Азии.

Узбекистан принимает меры по секьюритизации религии. В 2018 году президент Шавкат Мирзиёев подписал новый закон о религии, который усиливает контроль государства над религиозными организациями. После нескольких лет жесткой политики против религиозных меньшинств, в последние годы Узбекистан на-

чал смягчать свои подходы. Однако, несмотря на это, государственные органы продолжают наблюдать за религиозной активностью, что вызывает обеспокоенность у правозащитников. Несмотря на некоторые шаги по либерализации, ограничения на свободу вероисповедания остаются.

Кыргызстан имеет более либеральный подход по сравнению с соседними странами. Однако после ряда терактов в 2017-2018 годах государство усилило меры безопасности, что повлияло на свободу вероисповедания. Законодательство требует от религиозных групп регистрации и ограничивает финансирование из-за границы. Так, например, в 2018 году власти закрыли несколько мечетей, подозреваемых в связях с экстремизмом.

Таджикистан проводит жесткую политику в отношении религии, особенно ислама. «В 2015 году был принят закон, который ограничивает возраст для участия в религиозных практиках и запрещает религиозные организации без регистрации. Власти Таджикистана активно борются с исламским экстремизмом, что привело к закрытию многих мечетей и ограничению деятельности религиозных организаций». Это вызвало недовольство среди населения, что поставило под сомнение легитимность таких мер. (Наурызбаев, 2023).

В Туркменистане наблюдается строгий контроль со стороны государства над религиозной практикой. Все религиозные организации должны быть зарегистрированы, и независимая религиозная деятельность строго запрещена. Например, в 2019 году были зафиксированы случаи закрытия независимых мечетей и арестов их прихожан.

В Республике Казахстан сохраняется баланс между поддержкой традиционного ислама и контролем экстремистских групп. В 2011 году принят Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», который требует от религиозных групп регистрации и ограничения на пропаганду. В 2017 году были введены дополнительные меры, направленные на борьбу с экстремизмом. Правительство также работает над программами по интеграции молодежи и предотвращению экстремизма.

Анализ ситуации в пяти странах – Узбекистане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Казахстане – показывает, что каждое государство выбрало свой подход к решению этой проблемы, однако можно выделить и общие тенденции. Во всех странах Центральной Азии на-

блюдается усиление государственного контроля над религиозной сферой. Это выражается в принятии законов, требующих обязательной регистрации религиозных организаций, ограничении финансирования из-за рубежа и усилении надзора за религиозной деятельностью. Такие меры обосновываются необходимостью борьбы с экстремизмом и терроризмом, которые представляют реальную угрозу для безопасности стран Центральной Азии.

Общей тенденцией для всех стран Центральной Азии является усиление роли государства в религиозной сфере. Это объясняется несколькими факторами. Во-первых, после десятилетий советской атеистической политики религия стала играть все более важную роль в обществе, что вызвало опасения у властей относительно возможной политизации ислама. Во-вторых, угроза религиозного экстремизма и терроризма, особенно после событий 11 сентября 2001 года и роста влияния ИГИЛ, заставила правительства усилить меры безопасности.

Однако жесткая политика в отношении религии несет в себе ряд рисков. Чрезмерные ограничения могут привести к росту недовольства среди верующих и способствовать радикализации части населения. Кроме того, нарушения прав человека в религиозной сфере вызывают критику со стороны международного сообщества, что может негативно сказаться на имидже стран региона и их отношениях с западными партнерами.

Важно отметить, что политика в отношении религии в странах Центральной Азии не статична. Наблюдаются определенные колебания между ужесточением и либерализацией подходов. Например, Узбекистан в последние годы начал смягчать свою политику, в то время как Кыргызстан, напротив, ужесточил контроль после серии терактов.

Одним из ключевых вызовов для стран региона является необходимость разработки эффективных механизмов противодействия экстремизму без нарушения прав верующих. Опыт показывает, что чрезмерно репрессивные меры могут иметь обратный эффект, способствуя радикализации и подрывая легитимность государственной власти.

В этом контексте особую важность приобретают программы по работе с молодежью, направленные на предотвращение радикализации. Образовательные инициативы, создание возможностей для экономической самореализации и развитие критического мышления могут

стать более эффективными инструментами в борьбе с экстремизмом, чем прямые запреты и ограничения.

Также важно отметить роль международного сообщества в формировании религиозной политики стран Центральной Азии. С одной стороны, западные страны и международные организации оказывают давление на правительства региона, требуя соблюдения прав человека и религиозных свобод. С другой стороны, сотрудничество в сфере безопасности, особенно в контексте борьбы с терроризмом, может способствовать ужесточению подходов к регулированию религиозной сферы.

Политика регулирования религии в странах Центральной Азии находится в процессе постоянной эволюции. Правительства стремятся найти баланс между обеспечением безопасности и соблюдением религиозных свобод, но пока этот баланс остается хрупким. Успех будущей политики будет зависеть от способности властей учитывать интересы различных религиозных групп, эффективно противодействовать экстремизму без нарушения прав верующих и создавать условия для развития толерантного и инклюзивного общества.

Политико-правовые механизмы контроля над развитием религии в Республике Казахстан

Политико-правовые механизмы регулирования религиозной сферы в Республике Казахстан представляют собой комплексную систему нормативно-правовых актов, административных мер и институциональных структур, направленных на обеспечение баланса между свободой вероисповедания и национальной безопасностью. Данная система характеризуется многоуровневым подходом, охватывающим конституционные гарантии, специализированное законодательство и подзаконные акты.

В Казахстане разработана достаточно полная законодательная основа в направлении регулирования религиозной сферы. На национальном уровне на начало 2024 года действуют: Конституция Республики Казахстан (от 30 августа 1995 года), Закон «О противодействии экстремизму» (от 18 февраля 2005 года), Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (от 11 октября 2011 года), «Стратегия «Казахстан-2050» (от 14 декабря 2012 года), Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Комплексного плана по реализации государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2021-2023 годы» (от 31 декабря 2020 года, сейчас в разработке но-

вый документ) и т.д. Основу деятельности в сфере на международном уровне обеспечивают: Декларация Организации Объединённых Наций о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (от 25 ноября 1981 года), Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму (от 9 июня 2017 год) (Cornell et al., 2018). и т.д.

Конституция Республики Казахстан, являясь фундаментальным правовым документом, закрепляет принцип свободы совести, однако также устанавливает определенные ограничения на религиозную деятельность в целях защиты конституционного строя, общественного порядка, прав и свобод граждан. Это создает правовую основу для дальнейшего регулирования религиозной сферы на законодательном уровне.

Ключевым нормативным актом в данной области выступает Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», который детализирует конституционные положения и устанавливает конкретные механизмы государственного контроля над религиозными организациями. Данный закон регламентирует процедуры регистрации религиозных объединений, определяет их права и обязанности, а также устанавливает ограничения на деятельность, которая может быть квалифицирована как экстремистская.

Система государственной регистрации религиозных объединений выступает одним из основных инструментов контроля. Данная процедура предполагает соблюдение ряда формальных требований, включая минимальное количество членов организации и соответствие устава законодательным нормам. Регистрация позволяет государственным органам осуществлять мониторинг деятельности религиозных групп и предотвращать функционирование нелегальных или потенциально опасных объединений.

Уголовное законодательство Республики Казахстан содержит ряд статей, предусматривающих ответственность за экстремистскую деятельность, в том числе связанную с религиозным экстремизмом. Это обеспечивает правовую базу для пресечения деятельности лиц и организаций, пропагандирующих религиозно мотивированное насилие или дискриминацию.

Согласно этим документам, всем гражданам Республики гарантируется свобода слова, действий, выбора, а также вероисповедания. Религиозная составляющая должна быть включена во все сферы государственного и общественного

развития, которое, в свою очередь, должно под- держиваться принципами национального и меж- дународного права, одобренными всеми стра- нами и подписанными Республикой Казахстан. Все конфликты, возникающие на почве религии, вероисповедания или иных признаков, должны решаться исключительно мирным путем через диалог и консультации.

Таким образом, политико-правовые ме- ханизмы контроля над развитием религии в Республике Казахстан представляют собой многокомпонентную систему, сочетающую нор- мативно-правовое регулирование, администра- тивный контроль и превентивные меры. Данная система направлена на обеспечение баланса между реализацией конституционного права на свободу вероисповедания и необходимостью поддержания общественной безопасности и ста- бильности. Эффективность данных механизмов зависит от их способности адаптироваться к ме- няющейся религиозной ситуации и новым вызо- вам в сфере религиозной безопасности.

Религиозно-демографический профиль Ре- спублики Казахстан

Религиозный ландшафт Республики Казах- стан представляет собой сложную и динамич- ную систему, формирование которой происхо- дит под влиянием исторических, культурных и политических факторов. Как крупнейшее по территории и второе по численности населения государство Центральной Азии, Казахстан игра- ет ключевую роль в формировании религиозной

политики региона. Анализ религиозно-демогра- фического профиля страны позволяет не только оценить текущее состояние религиозной сферы, но и прогнозировать потенциальные вызовы и возможности для государственного управления в этой области.

Республика Казахстан является второй по численности (около 20 000 000 человек) и пер- вой по размерам (2724,9 тысяч квадратных кило- метров) (Sharipova, 2019). страной в Централь- ной Азии, в состав которой, помимо собственно Казахстана, входит также Узбекистан, Таджики- стан Туркменистан и Кыргызстан.

За годы независимости, которую Респу- блика провозгласила 16 декабря 1991 года (Aimukhambetov, 2019), перепись населения проводилась трижды: в 1999 году, в 2009 году и в 2021 году. Во время опросов населения, кото- рые были организованы и проводились Бюро на- циональной статистики Агентства по стратеги- ческому планированию и реформам Республики Казахстан, озвучивались разнообразные вопро- сы (например, возраст, образование, место рабо- ты, источники получения информации и т.д.), в том числе, касательно религиозной принадлеж- ности. В опросе 1999 года данный вопрос не за- давался респондентам, однако уже с 2009 года такой аспект начал оцениваться и с тех пор стало возможным рассматривать сферу религиозного развития населения Казахстана (Pak, 2020), как одну из основных составляющих формирования гражданского общества в государстве (Табли- ца 3).

Таблица 3 – Некоторые показатели переписи населения в Казахстане в 2021 году и 2009 году (человек)

Вероисповедание	Перепись населения 2021 года	Перепись населения 2009 года
	Численность (% от общего количества населения)	Численность (% от общего количества населения)
Ислам	13 297,8 (69,31)	11 237,9 (70,19)
Христианство	3 297,6 (17,19)	4 190,1 (26,17)
Атеизм	432,1 (2,25)	450,5 (2,81)
Буддизм	15,5 (0,08)	14,6 (0,09)
Иудаизм	7,2 (0,04)	5,3 (0,03)
Другие религии	23,2 (0,12)	30,1 (0,19)
Нет ответа	2 112,7 (11,01)	81,0 (0,51)
Всего	19 186,0	16 009,6

Источник: составлено автором.

Представленные данные переписей населения 2009 и 2021 годов демонстрируют значительные изменения в религиозном составе населения Казахстана. Несмотря на сохранение доминирующей позиции ислама, наблюдаются тенденции к снижению доли христианского населения и значительному

увеличению числа лиц, не указавших свою религиозную принадлежность. Эти изменения отражают более глубокие процессы, происходящие в казахстанском обществе, включая трансформацию идентичности, секуляризацию и возможное усиление роли религии в общественной жизни.

Таблица 4 – SWOT анализ религиозной ситуации в Казахстане

Сильные стороны	Слабые стороны	Возможности	Угрозы
Наличие исторически сложившихся традиций и культурных норм, поддерживающих религиозное разнообразие	Ограничение свободы вероисповедания может вызвать социальное недовольство и протестные настроения	Разработка программ по межрелигиозному диалогу и сотрудничеству может способствовать гармонизации отношений между различными религиозными группами	Возможность возникновения конфликтов на религиозной почве, что может дестабилизировать регион
Активное сотрудничество с международными организациями в борьбе с экстремизмом и терроризмом	Жесткие меры против религиозных групп могут привести к радикализации отдельных индивидов	Укрепление позиций государства через поддержку традиционных религий и культуры	Внешние угрозы, такие как влияние радикальных идеологий и экстремистских группировок, способные использовать социальные и экономические проблемы для распространения своих идей
<i>Источник: составлено автором.</i>			

Анализ сильных и слабых сторон, возможностей и угроз (SWOT-анализ) в контексте религиозной ситуации в Казахстане позволяет выявить ключевые факторы, влияющие на формирование государственной политики в религиозной сфере. Сильные стороны, такие как наличие исторических традиций религиозного разнообразия и активное международное сотрудничество в борьбе с экстремизмом, создают основу для построения гармоничных межконфессиональных отношений. Однако слабые стороны, включая потенциальные ограничения свободы вероисповедания, могут привести к социальному напряжению.

Возможности, открывающиеся перед государством в сфере межрелигиозного диалога и укрепления традиционных религиозных институтов, могут способствовать стабилизации общества и предотвращению конфликтов. В то же время угрозы, связанные с радикализацией отдельных групп и внешним влиянием экстремистских идеологий, требуют постоянного внимания и разработки эффективных мер противодействия.

Религиозно-демографический профиль Республики Казахстан находится в процессе постоянной трансформации, отражая более широ-

кие социальные, экономические и политические изменения в стране и регионе. Анализ статистических данных и стратегической ситуации в религиозной сфере позволяет сделать вывод о необходимости гибкого и комплексного подхода к регулированию религиозных отношений в государстве.

Основываясь на выявленных тенденциях и потенциальных вызовах, можно рекомендовать разработку долгосрочной стратегии развития религиозной сферы, которая бы учитывала как необходимость сохранения религиозного разнообразия и свободы вероисповедания, так и обеспечение национальной безопасности. Такая стратегия должна включать меры по укреплению межконфессионального диалога, повышению религиозной грамотности населения, а также совершенствованию механизмов противодействия религиозному экстремизму.

В итоге эффективное управление религиозной сферой в Казахстане будет играть ключевую роль не только в обеспечении внутренней стабильности страны, но и в укреплении ее позиций как модели межрелигиозного согласия в Центральной Азии и на международной арене.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов относительно процесса секьюритизации религии в странах Центральной Азии и его влияния на баланс между национальной безопасностью и свободой вероисповедания.

Во-первых, анализ эволюции государственной политики в религиозной сфере показал, что после периода относительной либерализации в 1990-е годы все страны региона перешли к более жесткому регулированию религиозной деятельности. Этот переход был обусловлен как внутренними факторами (рост религиозного экстремизма, активизация нетрадиционных религиозных движений), так и внешними (влияние глобальной борьбы с терроризмом после событий 11 сентября 2001 года). При этом степень и формы государственного контроля над религиозной сферой в разных странах региона существенно различаются.

Во-вторых, исследование выявило широкий спектр механизмов и инструментов секьюритизации религии, используемых государствами Центральной Азии. К ним относятся: законодательное регулирование религиозной деятельности; административный контроль над религиозными организациями; образовательные программы и информационная политика; силовые методы противодействия религиозному экстремизму. Эффективность этих инструментов варьируется, причем некоторые меры могут иметь противоречивые последствия.

В-третьих, анализ статистических данных и экспертных оценок показал, что существующие практики регулирования религиозной сферы имеют как положительные, так и отрицательные эффекты. К положительным результатам можно отнести: снижение рисков распространения экстремистских идеологий; упорядочивание деятельности религиозных организаций; создание механизмов межконфессионального диалога.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие рекомендации по

совершенствованию государственной политики в религиозной сфере:

1. Необходимо разработать более дифференцированный подход к регулированию религиозной деятельности, учитывающий специфику различных конфессий и религиозных групп.

2. Целесообразно усилить акцент на превентивных мерах и образовательных программах вместо административных ограничений и запретов.

3. Важно развивать механизмы диалога между государством и религиозными организациями, создавая площадки для обсуждения проблем и поиска компромиссных решений.

4. Следует совершенствовать систему мониторинга религиозной ситуации, используя как количественные, так и качественные методы оценки.

5. Необходимо развивать международное сотрудничество в сфере противодействия религиозному экстремизму, обмениваясь опытом и лучшими практиками.

В заключение следует отметить, что секьюритизация религии в Центральной Азии требует деликатного подхода, учитывающего как необходимость обеспечения национальной безопасности, так и права граждан на свободу вероисповедания. Применение жестких мер может привести к непредсказуемым последствиям, тогда как более гибкий подход, основанный на диалоге и сотрудничестве, способен укрепить как безопасность, так и социальную гармонию в регионе. Важно, чтобы правительства стран Центральной Азии продолжали искать баланс между этими двумя необходимыми аспектами.

Благодарность, конфликт интересов

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (BR21882428 «Влияние и перспективы ислама как духовно-культурного, политического, социального явления в постнормальные времена: опыт стран Ближнего Востока и Центральной Азии»).

Литература

- Aimukhambetov, T., Seitakhmetova, N., Mukhitdenova, A., Rysbekova, S., Omirbekova, A., & Alikbayeva, M. (2019). Study of the state religious policy in the Republic of Kazakhstan. *European Journal of Science and Theology*, 15(2), 123–134.
- Amit, S., & Kafy, A. (2022). A systematic literature review on preventing violent extremism. *Journal of Adolescence*, 94(6), 1–13. <https://doi.org/10.1002/jad.12095>

- Buzan, B., Wæver, O., & de Wilde, J. (1998). *Security: A new framework for analysis* (p. 240). Lynne Rienner Publishers.
- Cai, Y., & Hung, S. (2024). Religion and trust in Hong Kong. *The China Quarterly*, 1, 1–18. <https://doi.org/10.1017/S0305741023001844>
- Caicedo, F., Dohmen, T., & Ponderfer, A. (2023). Religion and cooperation across the globe. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 215, 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2023.09.025>
- Cornell, S., Starr, F., & Tucker, J. (2018). Religion and the secular state in Kazakhstan. *Silk Road Paper*, 4, 1–98.
- Crockett, C. (2021). Neoliberalism, postsecularism, and the end of religion. *Religions*, 12(8), 1–9. <https://doi.org/10.3390/rel12080631>
- Eom, K., Tok, T., Saad, C., & Kim, H. (2021). Religion, environmental guilt, and pro-environmental support: The opposing pathways of stewardship belief and belief in a controlling God. *Journal of Environmental Psychology*, 78, 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2021.101717>
- Eraliev, S. (2022). Religious extremism. *International Conflict and Security Law*, 1, 61–80. https://doi.org/10.1007/978-94-6265-515-7_52
- Heathershaw, J., & Montgomery, D. W. (2014). The myth of post-Soviet Muslim radicalization in the Central Asian republics. *Chatham House Research Paper*.
- Johnson, K., Okun, M., & Moon, J. (2023). The interaction of faith and science mindsets predicts perceptions of the relationship between religion and science. *Current Research in Ecological and Social Psychology*, 4, 1–7. <https://doi.org/10.1016/j.cresp.2023.100113>
- Jones, P., & Menon, A. (2022). Trust in religious leaders and voluntary compliance: Lessons from social distancing during COVID-19 in Central Asia. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 61(3-4), 583–602. <https://doi.org/10.1111/jssr.12804>
- Malik, B. (2023). Islam and nationalist mobilization in Kazakhstan: Post-Soviet cultural [re]framing and identity [re]making. *Qudus International Journal of Islamic Studies (QJIS)*, 11(2), 383–426. <http://dx.doi.org/10.21043/qjis.v11i2.13626>
- Mercier, C., Warren, J.-P., & Kaell, H. (2023). Mapping the field of religion, globalization and youth agency. *Social Sciences and Missions*, 36, 1–15. <https://doi.org/10.1163/18748945-03601001>
- Modongal, S. (2023). The resurgence of religion in international relations: How theories can accommodate it? *Cogent Social Sciences*, 9, 1–12. <https://doi.org/10.1080/23311886.2023.2241265>
- Olcott, M. B. (2016). Religion and security in Central Asia: Recommendations for the next U.S. administration. *The Review of Faith & International Affairs*, 14(2), 49–58. <https://doi.org/10.1080/15570274.2016.1184450>
- Omelicheva, M. Y. (2011). *Counterterrorism policies in Central Asia*. Routledge.
- Pak, Y. (2020). Making halal business in Southern Kazakhstan. *Sociology of Islam*, 8, 307–321. <https://doi.org/10.1163/22131418-08030007>
- Peyrouse, S. (2021). Central Asia's contemporary (post-Soviet) religious landscape: A 'de-secularization' in the making? In *The European Handbook of Central Asian Studies: History, Politics, and Societies* (pp. 247–287).
- Serdar, A., Oztürk, E., & Nygren, K. (2023). A typology of right-wing populism in Europe: Intersections of gender, religion and secularity. *Women's Studies International Forum*, 97, 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.wsif.2023.102680>
- Sharipova, D. (2019). Perceptions of national identity in Kazakhstan: Pride, language, and religion. *The Muslim World*, 110(1), 89–106. <https://doi.org/10.1111/muwo.12320>
- Terzyan, A. (2021). Minority rights in Central Asia: Insights from Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan. *Journal of Liberty and International Affairs*, 7(2), 103–115. <https://doi.org/10.47305/JLIA21720103t>
- Аналитический отчет. (2011). *Итоги национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года*. <https://stat.gov.kz/upload/medialibrary/8aa/ie53cqn49nwrdekbwf3i2c23tlykmp0v/1-Аналитический%20отчет.%20Итоги%20Национальной%20переписи%20населения%202009%20года.pdf>
- Конституция Республики Казахстан. (1995). *Конституция Республики Казахстан*. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029
- Краткие итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан. (2022). *Краткие итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан*. <https://stat.gov.kz/upload/medialibrary/e62/b1e0sokkht34a1iyu2qdmu30dayt6sz1/Краткие%20итоги%20Переписи%20населения.pdf>
- Наурызбаев, В. (2023). Актуальные вопросы зарождения и развития религиозного экстремизма в мире и Казахстане, пути решения. *Вестник МПА ВПА (сборник научных трудов)*, 2(4), 136–146.
- О религиозной деятельности и религиозных объединениях. (2011). *О религиозной деятельности и религиозных объединениях*. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000483>
- Об утверждении Комплексного плана по реализации государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2021-2023 годы. (2020). *Об утверждении Комплексного плана по реализации государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2021-2023 годы*. <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/P20000000953>
- Перечень зарегистрированных религиозных объединений, их филиалов (4 квартал 2023). (2024). *Перечень зарегистрированных религиозных объединений, их филиалов (4 квартал 2023)*. <https://www.gov.kz/memleket/entities/din/documents/details/580878?lang=ru>

References

- Aimukhambetov, T., Seitakhmetova, N., Mukhitdenova, A., Rysbekova, S., Omirbekova, A., & Alikbayeva, M. (2019). Study of the state religious policy in the Republic of Kazakhstan. *European Journal of Science and Theology*, 15(2), 123-134.
- Amit, S., & Kafy, A. (2022). A systematic literature review on preventing violent extremism. *Journal of Adolescence*, 94(6), 1-13. <https://doi.org/10.1002/jad.12095>
- Buzan, B., Wæver, O., & de Wilde, J. (1998). *Security: A new framework for analysis*. Lynne Rienner Publishers.
- Cai, Y., & Hung, S. (2024). Religion and trust in Hong Kong. *The China Quarterly*, 1, 1-18. <https://doi.org/10.1017/S0305741023001844>
- Caicedo, F., Dohmen, T., & Pondorfer, A. (2023). Religion and cooperation across the globe. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 215, 1-11. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2023.09.025>
- Cornell, S., Starr, F., & Tucker, J. (2018). *Religion and the secular state in Kazakhstan* (Silk Road Paper No. 4). Silk Road Paper.
- Crockett, C. (2021). Neoliberalism, postsecularism, and the end of religion. *Religions*, 12(8), 1-9. <https://doi.org/10.3390/rel12080631>
- Eom, K., Tok, T., Saad, C., & Kim, H. (2021). Religion, environmental guilt, and pro-environmental support: The opposing pathways of stewardship belief and belief in a controlling God. *Journal of Environmental Psychology*, 78, 1-11. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2021.101717>
- Eraliev, S. (2022). Religious extremism. In *International Conflict and Security Law*, 1, 61-80. https://doi.org/10.1007/978-94-6265-515-7_52
- Heathershaw, J., & Montgomery, D. W. (2014). *The myth of post-Soviet Muslim radicalization in the Central Asian republics* (Chatham House Research Paper).
- Johnson, K., Okun, M., & Moon, J. (2023). The interaction of faith and science mindsets predicts perceptions of the relationship between religion and science. *Current Research in Ecological and Social Psychology*, 4, 1-7. <https://doi.org/10.1016/j.cresp.2023.100113>
- Jones, P., & Menon, A. (2022). Trust in religious leaders and voluntary compliance: Lessons from social distancing during COVID-19 in Central Asia. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 61(3-4), 583-602. <https://doi.org/10.1111/jssr.12804>
- Malik, B. (2023). Islam and nationalist mobilization in Kazakhstan: Post-Soviet cultural [re]framing and identity [re]making. *Qudus International Journal of Islamic Studies*, 11(2), 383-426. <http://dx.doi.org/10.21043/qijis.v11i2.13626>
- Mercier, C., Warren, J.-P., & Kaell, H. (2023). Mapping the field of religion, globalization and youth agency. *Social Sciences and Missions*, 36, 1-15. <https://doi.org/10.1163/18748945-03601001>
- Modongal, S. (2023). The resurgence of religion in international relations: How theories can accommodate it? *Cogent Social Sciences*, 9, 1-12. <https://doi.org/10.1080/23311886.2023.2241265>
- Olcott, M. B. (2016). Religion and security in Central Asia: Recommendations for the next U.S. administration. *The Review of Faith & International Affairs*, 14(2), 49-58. <https://doi.org/10.1080/15570274.2016.1184450>
- Omelicheva, M. Y. (2011). *Counterterrorism policies in Central Asia*. Routledge.
- Pak, Y. (2020). Making halal business in Southern Kazakhstan. *Sociology of Islam*, 8, 307-321. <https://doi.org/10.1163/22131418-08030007>
- Peyrouse, S. (2021). Central Asia's contemporary (post-Soviet) religious landscape: A 'de-secularization' in the making? In *The European Handbook of Central Asian Studies: History, Politics, and Societies* (pp. 247-287).
- Serdar, A., Oztürk, E., & Nygren, K. (2023). A typology of right-wing populism in Europe: Intersections of gender, religion and secularity. *Women's Studies International Forum*, 97, 1-11. <https://doi.org/10.1016/j.wsif.2023.102680>
- Sharipova, D. (2019). Perceptions of national identity in Kazakhstan: Pride, language, and religion. *The Muslim World*, 110(1), 89-106. <https://doi.org/10.1111/muw.12320>
- Terzyan, A. (2021). Minority rights in Central Asia: Insights from Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan. *Journal of Liberty and International Affairs*, 7(2), 103-115. <https://doi.org/10.47305/JLIA21720103t>
- Analiticheskij otchet «Itogi nacional'noj perepisi naselenija Respubliki Kazahstan 2009 goda». (2011). <https://stat.gov.kz/upload/medialibrary/8aa/ie53cqn49nwrdekbw3i2c23tlykmp0v/1-Аналитический%20отчет.%20Итоги%20Национальной%20переписи%20населения%202009%20года.pdf>. Accessed 1 July 2024.
- Konstitucija Respubliki Kazahstan. (1995). https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029. Accessed 22 July 2024.
- Kratkie itogi Nacional'noj perepisi naselenija 2021 goda v Respublike Kazahstan. (2022). <https://stat.gov.kz/upload/medialibrary/e62/b1e0sokkht34a1iyu2qdmu30dayt6sz1/Краткие%20итоги%20Переписи%20населения.pdf>. Accessed 10 June 2024.
- Nauryzbaev, V. (2023). Aktual'nye voprosy zarozhdenija i razvitija religioznogo jekstremizma v mire i Kazahstane, puti reshenija. *Vestnik MPA VPA (sbornik nauchnyh trudov)*, 2(4), 136-146.
- O religioznoj dejatel'nosti i religioznyh ob'edinenijah. (2011). <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000483>. Accessed 8 July 2024.
- Ob utverzhdenii Kompleksnogo plana po realizacii gosudarstvennoj politiki v religioznoj sfere Respubliki Kazahstan na 2021-2023 gody. (2020). <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/P20000000953>. Accessed 16 June 2024.
- Perechen' zaregistrirovannyh religioznyh ob'edinenij, ih filialov (4 kvartal 2023). (2024). <https://www.gov.kz/memleket/entities/din/documents/details/580878?lang=ru>. Accessed 6 July 2024.

Авторлар туралы мәлімет:

Жандосова Шолпан Мұлькимановна – ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының Бас ғылыми қызметкері, PhD доктор (Саясаттану), қауымдастырылған профессор, (Алматы, Қазақстан, email: sholpan_zhandosova@mail.ru).

Information about authors:

Zhandosova Sholpan Mulkimanovna – Chief Researcher at the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies CS MSHE RK, PhD (Political science), Associate Professor, (Almaty, Kazakhstan, email: sholpan_zhandosova@mail.ru).

Сведения об авторах:

Жандосова Шолпан Мұлькимановна – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МСХЭ РК, кандидат политических наук, доцент, (г. Алматы, Казахстан, e-mail: sholpan_zhandosova@mail.ru).

Поступила 15 декабря 2024

Принята 20 февраля 2025